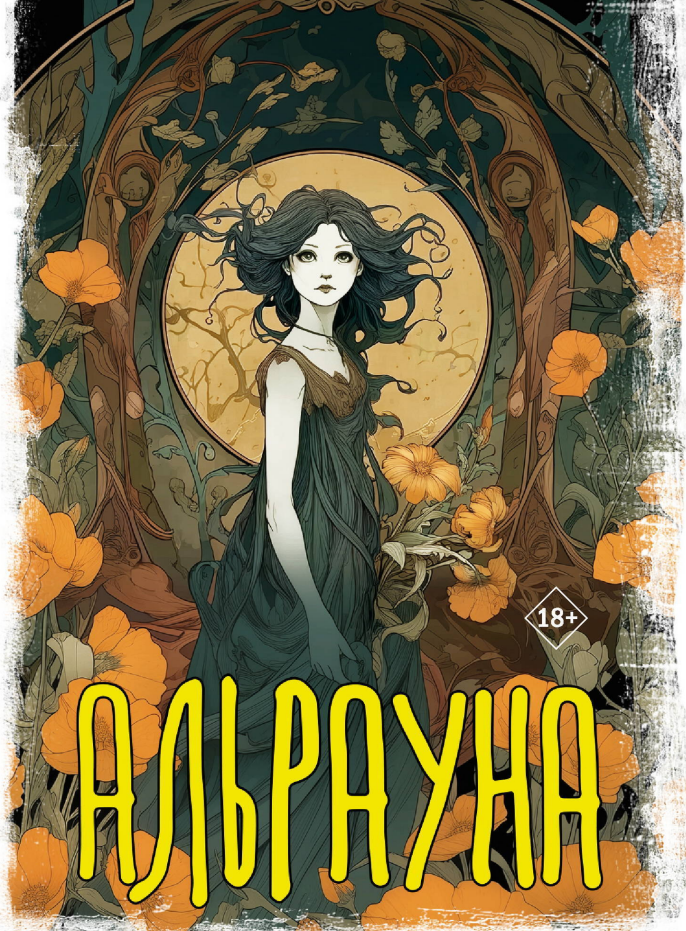

ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС

18+

АЛЬРАУНА

Ганс Гейнц Эверс

Альрауна

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74025212
ISBN 978-5-17-185254-2

Аннотация

Профессор тен Бринкен проводит дерзкий научный эксперимент и создает ребенка, используя генетический материал казненного преступника и падшей женщины. Появившаяся на свет девочка, названная Альрауной, должна принести своему создателю богатство, а всем, кто попадет под ее влияние, – несчастье. Вот только для самого профессора результат оказывается совсем не безобидным.

В книгу включены самые известные и жуткие рассказы Г. Г. Эверса. «Паучиха»: в номере отеля одно за другим происходят три таинственных самоубийства; за расследование берется студент-медик, которого постепенно втягивают в зловещую игру... «Соус из помидоров»: испанцы за долгие годы привыкли к жестокости корриды и петушиных боев. Но что, если в поединке участвуют... только люди?

Можно ли превратить человека в растение – да так, чтобы он знал об этом, был способен вести записи и отслеживать свое состояние в «Дневнике померанцевого дерева»?

Часть произведений данного сборника печатается на русском языке впервые.

Содержание

Альрауна	6
Арсис[1]	6
Глава первая	9
Глава вторая	32
Глава третья	55
Глава четвертая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ганс Гейнц Эверс

Альрауна

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

© Перевод. Г. Шокин, 2026

© Перевод. Е. Крутова, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Альрауна

История живого существа

Арсис¹

Не станешь же ты отрицать, дорогая моя подруга, что есть существа – не люди, не звери, но диковины, рожденные от темного наслаждения абсурдными мыслями?

Тебе прекрасно известно, услада моя, насколько хорош Закон. И хороши все наши правила и нормы, поскольку происходят они свыше – от божественного величия. Хорош и тот человек, кто всецело их приемлет, проходя жизненный путь в смирении и терпении, истинно послушный нашему доброму Богу.

Но есть и другой владыка, ненавидящий добродетели. Он попирает законы, знать не желает норм. Обрати внимание, как все его творения направлены против природы. Он – плох и зол, и любой плохой и злой человек стремится быть весьма похожим на него. Дитя сатаны!

¹ Арсис и (см. конец романа) тесис (*др. – греч.* «подъем» и «спуск») – понятия, употребляемые соответственно для повышения и понижения голоса при декламации стихотворения. В настоящее время в стихосложении арсисом называется ударный слог в стопе, тесисом – безударный. – *Здесь и далее – прим. переводчика, если не указано иное.*

Не сыщешь хуже отступничества – вмешиваться в вековечные порядки, нарушать их, лезть в их тонкое устройство грубой рукой. Но служащий злу охотно идет на такое, и по-творствует ему могучий владыка дьявол. Гордыня и вольнодумство толкают злодея на попрание правил, отмену законов природы, учинение хаоса.

Но да будет злодей предупрежден: в деяниях его правды нет, созданное им – всегда иллюзия и плод умопомрачения. На своем пути наверх злодей способен забраться высоко и будто бы затмить само небо, да только суждено ему все равно упасть – такова плата глупца за высокомерие.

Его сиятельство Яков тен Бринкен, доктор медицины, профессор и действующий тайный советник, создал странную девушку наперекор законам природы. Создал один, но замысел подобного толка принадлежал другому человеку. Сущность, прошедшую таинство крещения и нареченную Альрауной, растили как человека, и жила она как человек; стоило ей коснуться чего-нибудь – и оно превращалось в золото; стоило ей пойти куда-либо – исступленный смех вторил ее шагам. Но тот, кто чувствовал источаемую ею отраву, спешил подавить в себе исходящий на вопль грех. Из земли, по которой легко ступала она, всюду вырастали кипенно-белые цветы смерти.

Альрауна убила всех, кто принадлежал ей, – кроме Франка Брауна, а ведь он первым замыслил ее. Кроме человека, всю жизнь шедшего подле жизни – и мимо нее, как бы с ней

вразнобой...

Я пишу эту книгу не для тебя, о золотая моя сестра. Твои глаза голубые и добрые. Они ничего не знают о грехе. Твои дни подобны тяжелым синим гроздьям глицинии – они все падают и падают с древа жизни, образуя мягкий ковер. Мои ноги легко и мягко шагают по нему, когда я вхожу в сияющий солнечный свет в беседке твоих нежных дней. Я пишу эту книгу вовсе не для тебя, мое золотое дитя, милосердная сестра дней, наполненных мечтой...

Тебе, о дикая, грешная сестра моих горячих ночей, посвящен этот роман. Когда на все падает тень, когда жестокий океан пожирает прекрасное золотое солнце и над волнами вспыхивает стремительный ядовитый зеленый луч, когда смерть дня сопровождает глухой смешок Порока – тогда, знаю, являешь ты нам свой дьявольский этюд в желчных, алых и пурпурных тонах. Твои грехи шепчутся в глубокой ночи, и пагубное дыхание твоё овеивает весь земной шар. Осознавая горячку свою, ты широко распахиваешь очи, упругая молодая грудь твоя вздымается, ноздри трепещут, и ты широко разводишь руки, влажные от жара. Тогда нежный благопристойный день спасается бегством, уступая змею ночи, и ты предлагаешь себя, сестра, – свою дикую душу, свое умашенное ядом тело, все мучения и всю кровь, весь стыд и все желание; ты ликуешь, ты радуешься.

Сквозь завесы небес и пучины ада взываю я к тебе, о сестра моих грехов, и пишу эту книгу я лишь для тебя одной...

Глава первая

Колыбель Альрауны

Белый дом, под чьими сводами впервые зашел разговор об Альрауне тен Бринкен – задолго до ее рождения и даже до зачатия, – стоял на берегу Рейна. Тотчас же за городом, на большой дачной улице, начинающейся у старого епископского дворца, где теперь стоит университет, – там и возвышался этот дом, и жил в нем советник юстиции Себастьян Гонтрам.

С улицы к нему надо было пройти через длинную пыльную аллею запущенного сада. Очутившись у дома и полюбовавшись на валящуюся с фасада штукатурку, гость напрасно искал звонка – его не оказывалось. Он мог кричать и стучать сколько угодно, никто ему не являлся. Наконец, догадавшись толкнуть дверь, посетитель входил – и видел перед собой лестницу, очевидно никогда не знавшую ни тряпки, ни швабры. Навстречу ему из какого-нибудь темного потаенного угла выскакивала большая кошка.

Или, если дело было днем, большой сад наполнялся маленькими негодниками – резвыми чадами господина Гонтрама. Звали этих чад Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Йозефхен и Вольфхен. Они наполняли собою все, торчали на ветвях, прятались в ямах. Вместе с ними и собаки: два шпица, оба большие забияки, и помесь фокса, и в довесок – кро-

шечный пинчер величиною с ладонь по кличке Циклоп доктора прав Манассе, жившего у Гонтрамов.

Все кричали и шумели. Вольфхен – ему не было еще и года – лежал в колясочке и ревел: громко, натужно, часами. Соперничать с ним мог только Циклоп, разбитым голосом, до хрипоты, безостановочно визжавший. Он не трогался с места, так же как и Вольфхен, и только знай себе голосил.

Наследники Гонтрама возились в кустах целыми днями, до самого позднего вечера. На старшей дочери, Фриде, лежал надзор за ними всеми. Но ей доставляло гораздо больше удовольствия сидеть в полуразвалившейся беседке с приятельницей, маленькою княжною Волконской. Они вели интересные разговоры, рассказывали друг дружке занимательные истории. Обеим через несколько дней исполнялось четырнадцать лет – а это как раз такой возраст, когда, по их мнению, можно будет выйти замуж или, по крайней мере, завести роман. Но обе были очень религиозны и решили запастись терпением – до конфирмации. После нее-то можно будет носить длинные платья, считать себя взрослыми и крутить усы ухажерам.

Девушки казались себе очень порядочными, раз приняли такое терпеливое решение, – и даже подумывали, не отправиться ли прямо сейчас в церковь, на мессу. О да, накануне такой поры важно вести себя наисерьезнейшим, наирациональнейшим образом!

– Там, надо думать, будет этот Шмиц! – заметила Фрида

Гонтрам.

Маленькая княжна сморщила носик:

– Ох уж этот Шмиц...

Фрида взяла подругу за руку и добавила:

– И студенты в синих баварских фуражках!

Ольга Волконская рассмеялась:

– Эти-то? Пустое! Запомни, Фрида, подлинные студенты в церковь – ни ногой! – Пожалуй, она изрекала истину: ни один порядочный немецкий студент ни за чем подобным замечен не был.

Фрида вздохнула. Она отодвинула в сторонку коляску с голосящим Вольфхеном и дала пинка Циклопу, норвящему тяпнуть ее за ногу. Во всем княжна права – идти на мессу смысла нет!

– Остаемся здесь, – рассудила она, и девочки возвратились в беседку.

Чертой, общей для всех детей Гонтрама, была бесконечная жажда жизни. Они не знали, но как бы чувствовали, что должны умереть юными, цветущими, в расцвете сил – и что срок, отведенный им для жизни земной, сильно ограничен. Так что пользовались они этим сроком за троих – шумели и буйствовали, упивались и насыщались жизнью допьяна. Вольфхен надрывался в коляске за троих среднестатистических немецких младенцев; его братья, носясь по саду и всюду мельтеша, казались не четырьмя проказниками, а доброй дюжиной таковых – растрепанные, как чертополох, чумазы,

все в ссадинах и царапинах, порезах и расчесах.

Но стоило дневному светилу зайти – и дети Гонтрама утихомиривались. Они брели назад к дому и собирались на кухне. Там они уминали несметное количество бутербродов с мясом или ветчиной, пили розовую воду – и после этого скопом бежали к служанке на гигиенические процедуры. Служанка раздевала их, рассаживала по бадьям, доставала мыло с добавлением древесного угля и жесткую щетку – и драила всех этих детей, словно вереницу сапог. Чище они, впрочем, не становились – зато орали и бесновались всласть, раскачивая деревянные мочные колоды.

И под конец, вусмерть утомленные, доползали они до коек, валились туда, будто мешки с картофелем, да так и засыпали – вечно позабыв укрыться, так что об одеялах заботилась все та же несчастная служанка.

К тому часу, как правило, в дом приходил адвокат. Он поднимался по лестнице и лупил тростью в дверь. Не получив ответа – заходил самовластно.

Его встречала фрау Гонтрам – высокая, почти вдвое выше господина Манассе; по сравнению с ней тот казался сущим карликом. Общие пухлость и безобразность делали его до ужаса похожим на своего питомца Циклопа. Его щеки топорщились щетиной, как у хряка, а нос напоминал втиснутый в самый центр овального лица редис. Речь Манассе уж очень походила на тьяканье, и вид у него был такой, будто он не прочь вцепиться кому-нибудь в ногу.

– Вечер добрый, фрау Гонтрам! – тьявал он. – А что, коллега мой изволит пока что запаздывать?

– Здравствуйте, герр адвокат, – отвечала рослая женщина. – Будьте как дома.

Но низкорослый Манассе не унимался:

– Не вернулся коллега, значит? И велите принести ребенка, а то я сам себя тут не слышу!

– Что? – переспрашивала фрау Гонтрам, выковыривая из ушей затычки. – А, да-да! – продолжала она. – Вольфхен! Разживитесь такими штучками, герр адвокат, тогда и вам не будет досаждать всякий шум! – Подойдя к двери, она гаркнула: – Уилла, Уилла! Ну или Фрида... Вы что, оглохли там? Занесите-ка Вольфхена в дом!

На ней все еще красовалось платье персикового цвета, густые каштановые волосы были небрежно собраны под гребень – отдельные пряди выбивались из прически. Черные глаза казались огромными, несколько выпученными, прямо-таки лучась какой-то тревогой неизъяснимого толка. Кожа на ее висках нездоровым образом натянулась до состояния тонкого сухого пергамента, бледные щеки запали, нос заострился; на щеках горели пунцовые пятна.

– У вас будет закурить, господин адвокат? – спросила она.

Порывистым, почти раздраженным жестом гость достал портсигар.

– Сколько вы уже высмолили сегодня, фрау Гонтрам?

– Штук двадцать, – рассмеялась она, – но вы же знаете ка-

ких! Дрянных, по четыре пфеннига за штуку. Хорошую сигару, вроде ваших, и курить в радость. Дайте-ка мне вот эту, толстую. – Фрау взяла тяжелую «Мехико» в бумаге угольного цвета.

Манассе вздохнул и уточнил:

– Долго еще вы так протянете?..

– Ах, – ответила она, – вы только не волнуйтесь, не переживайте. Долго?.. Третьего дня господин доктор обмолвился: еще месяцев шесть. Но знаете, то же самое он говорил и два года назад. Ну, как по мне, дело не к спеху: не такая уж она и скоропостижная, эта их чахотка!

– Может, стоит курить поменьше, – брякнул коротышка-адвокат.

Фрау уязвленно вытаращилась на него, вздернула синеватые тонкие губы поверх блестящих белых зубов.

– Что? Что, Манассе? Не курить? Что же мне еще делать? Рожать каждый год, вести хозяйство, следить за несносными детишками, терпеть неудобства от чахотки – и что, и не выкурить сигаретку даже?..

Она пустила густой дым прямо ему в лицо. Манассе зашелся кашлем; посмотрел ей в глаза – саркастически, но и не без определенного восхищения. Этот маленький адвокат по жизни шел на диво нахально, никогда не лез за словом в карман, всегда находил резкий удачный ответ, ни с чем не считался и никого не боялся. Но тут, перед этой изможденной женщиной, чье тело напоминало скелет, а под кожей ли-

да все явственнее проступал череп, – перед женщиной, уже несколько лет стоящей одной пятой в могиле, – он тушевался и, подумать только, пугался. Эти неукротимые лощеные кудри, год от году становясь только крепче и гуще, будто здоравливали от самой близости смерти; хорошие зубы крепко держали окурок толстой сигары, а отчаянные и жестокие глаза не тускнели, а лихорадочно разгорались, не поддаваясь болезни, – и, видя это, Манассе умолкал и чувствовал себя совсем ничтожным, маленьким – меньше, чем он есть, даже меньше, чем его собака.

Он отличался высокой образованностью, этот адвокат Манассе. Его за глаза называли «эрудит – придет, увидит, победит». Проявить неожиданную осведомленность в самых, на первый взгляд, неожиданных вопросах было для него чем-то очень естественным, навряде дыхания. И сейчас он думал: «Вот она, настоящая женщина эпикурейских² идеалов: пока жива, смерть ее не касается, а когда умрет, уже ничто ее не беспокоит».

Но Манассе отчетливо видел – смерть уже здесь, пусть даже фрау еще жива. Давно уж обосновалась неподалеку старуха с косой – хозяйски расхаживала по саду и дразнила фрау, заставляла кричать и бегать ее испуганных детей. Правда,

² Эпикурейство – философское учение, возвращенное из идей Эпикура и его последователей. Согласно ему, высшим благом считается наслаждение жизнью, не допускающее физического дискомфорта и душевных терзаний, а также отказ от страха перед смертью и богами, безразличными к делам и прегрешениям смертных.

смерть не спешит, идет медленными шагами – в этом фрау совершенно права. Но это лишь каприз. Смерти так нравилось – играть с этой женщиной и ее выводком, как кошка с суетливыми мышками.

«Тебя нет!» – думала фрау Гонтрам, днями напролет отлеживаясь в шезлонге, куря, читая затянутые бестолковые романы, затыкая уши от детских голосов. «Ах, нет меня?» – смеясь, вопрошала смерть, дразня адвоката из-под жалкой маски жизни, пуская ему в лицо удушливый дым. Манассе видел ее – отчетливо, ясно. Он смотрел на нее и думал, какая же это, в сущности, смерть – та, что изобразил Дюрер? Или Бёклин? Или же дикая смерть-арлекин Босха или Брейгеля? Или же безумная, безответная смерть Хогарта, Роулэндсона, Гойи, Калло? Нет – все не то. Перед ним была вполне охотно идущая на контакт Смерть, добродушно-бюргерская, но не лишенная притом определенной романтичности; рейнская Смерть из-под кисти Ретеля³ – болтливая, шутливая, курящая да пьющая, не чуждая смеха и веселья...

«Хорошо, что эта Смерть курит, – думал Манассе, – очень хорошо: так забивается запах близкого тлена...»

Вот, наконец, явился советник юстиции Гонтрам.

– Добрый вечер, коллега! – сказал он. – Уже здесь? Это хорошо. – Он завел долгую историю, в подробностях рассказывая, что сегодня приключилось в конторе и в суде. Его послушать – так творились там совершенно невероятные вещи;

³ Альфред Ретель – немецкий живописец и график (1816–1859).

все, что только может за целую жизнь приключиться с юристом, происходило с Гонтрамом ежедневно. В высшей степени странные случаи прямо-таки преследовали этого человека – и забавно-смешные, и кроваво-трагические. Вот только в них не было ни единого слова правды – перед правдой советник юстиции испытывал почти такой же непобедимый страх, как перед чистотой, как перед купанием и даже простым тазом с водой. Едва он открывал рот, как начинал врать, а во сне ему грезилась новая ложь. Все знали, что он врал, но слушали его с большой охотой – ибо заливал он добродушно и весело, и даже если ничего подобного с ним не случалось взаправду, рассказывать он умел славно.

Это был мужчина в возрасте за сорок, с уже седой, короткой и редкой бородкой и намечающейся лысиной. Он носил золотое пенсне на длинном черном шнурке, сидящее на носу на редкость криво, не покрывая ровно близорукие голубые глаза. Вечные разводы от чернил невыводимо пятнали неуклюжие пальцы советника. Стоит сказать, на поприще своем он никогда не отличался успехами, ибо любого напряжения сил чурался. Пусть кто-то вроде референдариев напрягается – хотя и эти-то ничего не делают. Ну, для того их на работу и берут, верно? Референдарии всегда надеялись, что начальник конторы и писари их покروют, но последние открыто клевали носом за своими столами, а когда все же сон их оставлял – корябали одно только слово «оспариваю» и заверяли его штемпелем советника юстиции.

И все же у Гонтрама была прекрасная практика, много лучше, чем у сведущего и опытного Манассе. Он понимал людей и умел с ними разговаривать; его любили все судьи и адвокаты, потому как им он никогда не чинил проблем, делая добро и бросая его в воду. Для уголовной коллегии и присяжных он был находкой, это все отлично знали. Один прокурор как-то сказал: «Я ходатайствую о снисхождении к обвиняемому, ведь защищает его сам советник юстиции Гонтрам». Снисхождения для своих клиентов этот человек добивался с блеском, что редко удавалось Манассе, трижды эрудиту и златоусту.

И вот еще что: в прошлом советник юстиции Гонтрам вел пару крупных, серьезных процессов, будораживших умы по всей стране. Он бился над ними долгие годы, обивал пороги – и, наконец, выиграл. Тогда в нем и проснулась странная, прежде спящая энергия. Его могло зацепить совершенно безнадежное, зряшное дело, шесть раз проигранный, заглохший намертво процесс, ходящий от адвоката к адвокату, – или дело, связанное с каверзными международными вопросами, о коих никто не имел ни малейшего понятия. И таким образом, на четвертом пересмотре дела, Гонтраму вдруг удалось оправдать трижды приговоренных к смертной казни братьев Кошен из Леннепа, несмотря на самые явные доказательства их вины, а в миллионной тяжбе по цинковым рудникам в Мореснете, где не мог разобраться ни один юрист трех стран (и менее всего – сам Гонтрам), как раз он в итоге и

добился решения суда в пользу своей стороны. И теперь, вот уже три года, он вел бракоразводный процесс княгини Волконской. Забавно, но он никогда не говорил о своих реальных достижениях; мог наплести с три короба о выдуманных юридических подвигах, даже не заикнувшись о том, чего реально добился. Ничего не попишешь! Он ненавидел всякую правду.

Фрау Гонтрам объявила:

– Ужин сейчас подадут. Я велела приготовить крешон с «Вальдмейстером». Ах, не пойти ли мне переодеться?

– Оставайся в чем есть, – решил советник юстиции, – Манассе не станет возражать. – Он поморщился, будто надкусил лимон. – Святые угодники, как голосит этот ребенок! Не могла бы ты его успокоить?

Женщина медленно прошла мимо него. Открыла дверь в прихожую, куда служанка приткнула коляску, взяла Вольфхена, принесла в комнату и усадила на высокий детский стульчик.

– Неудивительно, что он так кричит, – спокойно заметила она, – он же совершенно мокрый. – Перепеленывать его она явно не собиралась. – Тише, бесенок, разве не видишь – у нас гости!

Вольфхена гости ничуть не волновали. Манассе подошел, покачал его, потрепал за пухлую щечку, подал большую куклу. Но ребенок отбросил игрушку и продолжал орать – а Циклоп вторил ему своим скулежом из-под стола. Тогда

фрау Гонтрам объявила:

– Погоди-ка, сладость моя. У меня для тебя кое-что есть. – Вынув изо рта черный, размочаленный с конца окурков, она сунула его малышу в рот. – Ну, Вольфхен, вкусно? Как тебе?

Дитя мгновенно затихло, посасывая подачку и радостно сияя глазенками.

– Видите, господин адвокат, как надо обращаться с детьми? – спросила женщина. Говорила она уверенно, спокойно и совершенно серьезно. – Ничего-то мужчины в детях не понимают.

Вошла служанка, доложила, что ужин подан. Когда господа удалились в столовую, вразвалочку подошла к ребенку, присмотрелась.

– Фу, гадость! – закричала она и вырвала у него изо рта окурков. Вольфхен тотчас же опять заорал. Она взяла его на руки, стала качать, завела грустную колыбельную песнь со своей южнобельгийской родины. Результат был не лучше того, какого добился Манассе: ребенок не переставал кричать. Тогда она снова подняла окурков, плюнула на него, обтерла грязным кухонным передником, угасив все еще тлевший табак, – и сунула Вольфхену в рот. Потом – взяла ребенка, раздела, вымыла, перепеленала и уложила в постель; Вольфхен притих, спокойно на все реагируя, тихий и умиротворенный. Он заснул в блаженном расположении духа, причмокивая отвратительным черным огарком.

О, как была права фрау Гонтрам! Она-то умела обходить-

ся с детьми. По крайней мере – со своими...

А в столовой ужинали, и советник юстиции продолжал плести рассказы из небыли – свежее вальдмейстерское лилось рекой, и лишь под конец ужина фрау Гонтрам изволила подать обещанный с вином крюшон. Ее супруг критически принюхался.

– Добавь-ка шампанского, – велел он.

Она поставила крюшон на стол.

– Шампанского не осталось. В погребок – только одна бутылка «Поммери».

Окинув ее изумленным взглядом поверх пенсне, он задумчиво покачал головой:

– Ну и хозяйка! У нас нет шампанского, а ты ни слова об этом! Безобразие! В доме нет шампанского! Пусть принесут бутылку «Поммери». Ох, жалко, конечно, – этаким сорт да крюшоном разводить! – Он покачал головой еще раз. – Нет шампанского – ну куда же это годится! Надо немедленно раздобыть. Ну-ка, женщина, принеси мне перо и бумагу – я буду писать княгине.

Но когда лист бумаги оказался перед ним, Гонтрам отодвинул его от себя.

– Ах, – вздохнул он, – я столько сегодня работал. Напиши-ка, жена, я продиктую.

Фрау не двинулась с места. Писать? Только этого не доставало!

– И не подумаю даже, – сказала она.

Советник юстиции посмотрел на Манассе:

– Коллега, не могли бы вы мне оказать небольшую услугу?

Я так, право, устал.

Маленький адвокат негодуяще блеснул глазами.

– Устали? – хмыкнул он. – От чего это – уж не от ваших завиральных баек ли? Я-то как раз хотел спросить, откуда у вас всегда чернила на пальцах, господин советник! Ведь не от писания, конечно!

Фрау Гонтрам рассмеялась:

– Ах, Манассе, это еще с прошлого Рождества, когда он расписывался у мальчиков в дневниках. Да к чему вам ссориться? Пусть Фрида напишет. – И она, выглянув в окно, позвала Фриду. Та пришла, а за компанию с ней – Ольга Волконская.

– Как мило, что ты тоже здесь! – приветствовал ее советник юстиции. – Вы обе уже поужинали?

Оказалось, девочки поели внизу, в кухне.

– Садись, Фрида, – велел отец. – Вот сюда, давай.

Дочурка повиновалась.

– Отлично, да! Теперь возьми перо и пиши, что я тебе скажу.

Но Фрида была истинное дитя семейства Гонтрам – она ненавидела писать. Посему она, тотчас же вскочив со стула, категорично отрезала:

– Ну уж нет, трижды нет! Пусть Ольга пишет – у нее почерк лучше.

Княжна легла на софу; ей тоже не хотелось. Но у подружки имелся способ сделать ее стоворчивей. Она прошептала:

– Если не напишешь, послезавтра не одолжу тебе ни одного греха!

Это помогло. Послезавтра намечался день исповеди, а список грехов княжны выглядел пока довольно жалко. В суровое время перед причастием запрещалось грешить, но все же надо было исповедоваться – копаться в памяти, терзаться, вспоминать, нет ли за душою еще какого грешка. Этого княжна совсем не умела, зато Фрида преуспела в этом искусстве. Ее магазин грехов представлял предмет зависти всего класса, особенно легко выдумывала она греховные помыслы: целыми дюжинами. Это передалось ей от отца: она могла выложить сразу целый ворох прегрешений придуманных, зато если уж действительно была грешна, то пастор никогда не узнал бы в чем.

– Пиши, Ольга, – шепнула она, – и я одолжу тебе восемь хороших грехов.

– Десять, – потребовала княжна.

Фрида Гонтрам утвердительно кивнула. Десять так десять. Она согласилась бы и на двадцать, только бы не заниматься утомительным бумагомаранием.

Ольга Волконская присела к столу, взяла перо, вопросительно захлопала глазами на Гонтрама.

– Итак, пиши! – молвил тот. – Многоуважаемая княгиня...

– Если это маме, – возразила княжна, – я ведь могу написать просто: «Милая мама»!

– Пиши как душе угодно, – взмолился, теряя терпение, советник, – об одном прошу – не перебивай!

«Милая мама», – начала Ольга и продолжила под диктовку Гонтрама: «К великому сожалению, извещаю, что ваше дело подвигается медленно. Приходится много думать, а думать очень трудно, когда нечего пить. У нас в доме не осталось и капли шампанского. Будьте добры поэтому, в интересах вашего процесса, прислать корзину шампанского для крющона, ящик „Поммери“ и пять бутылок...»

– «Сен-Марсо»! – воскликнул маленький адвокат.

– «Сен-Марсо», – кивнул советник юстиции. – «Это любимая марка моего коллеги Манассе, подчас помогающего мне с вашим непростым делом. С лучшими пожеланиями и так далее». Ну, вот видите, коллега, – заметил он, – как вы ко мне несправедливы! Мне не только приходится диктовать – я еще должен собственноручно подписывать! – И он поставил размашистую подпись.

От окна отозвалась Фрида:

– Написали, да? Так вот – напрасно. Только что приехала мама Ольги и уже идет через сад сюда. – Она давно заметила княгиню, но помалкивала. Раз Ольга получит десять перво-статейных грехов, пусть немного потрудится для этого! Таковы были все Гонтрамы – отец, мать и дети: работали они очень неохотно, зато с удовольствием смотрели, как это де-

лают другие.

Вошла княгиня – толстая, рыхлая, с огромными бриллиантами на пальцах, в ушах и в волосах. Она была какой-то венгерской графиней или баронессой и где-то на Востоке познакомилась с русским князем. Что они поженились – несомненно; но не приходилось сомневаться и в том, что с первого же дня оба повадились изменять друг другу. Княгиня с тех пор всячески настаивала на законности брака, по каким-то причинам с самого начала невозможного, ну а князь, считавший его делом вполне свершенным, старался изо всех сил воспользоваться пустыми формальностями и сделать его нелегитимным. Паутина, искусно сплетенная из обмана и прямого шантажа, – какое раздолье для такого арахнида, как милый Себастьян Гонтрам! В этом процессе все было зыбко, неопределенно; малейшее упущение тотчас использовалось противною стороною, а всякая законность сейчас же опровергалась кодексом другой страны. Постоянной и неоспоримой истиной оставалась лишь маленькая княжна – плод странного союза, богатая наследница, на каковую твердо претендовали оба родителя. Нынче главенство над Ольгой признавалось в пользу ее матери.

– Присаживайтесь, княгиня! – Советник юстиции скорее откусил бы себе язык, чем назвал бы эту женщину сиятельством; она была его клиенткой, так что обращался он с ней ничуть не более почтительно, чем с крестьянкой самых простых кровей. – Давайте же, располагайтесь! – добавил он, не

изъявляя никакого желания усадить гостью. – А мы как раз вам писали! – С тем он зачитал ей текст послания.

– Да, пожалуйста! – воскликнула княгиня Волконская. – Разумеется! Завтра утром все будет доставлено! – Она открыла свою сумочку и извлекла оттуда увесистый конверт. – Видите ли, уважаемый господин советник, я приехала как раз по нашему делу. Вот от графа Ормоса письмишко...

Герр Горнтрам нахмурил лоб: этого еще не хватало! Сам король не заставил бы его работать в такой прекрасный, домашнему уютный вечерок. Но конверт он все же взял, объявив:

– Славно, славно, завтра в конторе посмотрю.

– Но это очень срочное дело, очень важное... – запричитала она.

Советник прервал ее:

– Срочное? Важное? Но как вы можете судить, что срочно и что важно? Оценить это смогут только специалисты – в конторе. – Затем добавил с мягким укором: – Княгиня, ну вы же культурная женщина! Воспитанная, к тому ж! А раз так – вам прекрасно известно, что людей не загружают делами по вечерам, на дому...

– Но в конторе вас никогда не застать, уважаемый господин советник. Лишь на этой неделе я побывала там четыре раза...

– Значит, извольте прийти на следующей неделе! – в сердцах, почти что разгневанно, бросил советник. – Вы что же,

полагаете, у меня дел больше нет? Их у меня, да будет вам известно, пруд пруди. Сколько времени отнимает у меня этот разбойник Гутен! А там ведь, в его случае, на кону человеческая жизнь, а не какие-то презренные материальные блага! – И советник завел старую шарманку: дескать, достался ему некий Гутен – душегуб да кат, вот только благородный до ужаса, покровитель бедняков и любимец женщин, как же такого замечательного человека судить... Понятное дело, в этой байке не было и слова правды, и никакого Гутена никогда не существовало и в помине.

Княгиня вздыхала, но слушала. Даже несколько раз начала смеяться, извечно – не к месту. Она была единственной из его многочисленных слушателей, кто не удивлялся всей изливаемой им лжи, зато напрочь не понимала его шуток.

– Хорошенькая история для детских ушей! – пролаял адвокат Манассе. Обе девочки жадно внимали, уставившись на советника, широко раскрыв глаза и рты. Тот не позволил себя смутить:

– Ах, что вы, чем раньше о таком узнаешь, тем лучше! – отмахнулся Гонтрам. – Пусть знают девочки, какие люди ходят по земле и играют беспечными женскими сердцами! – Он наконец-то взял паузу в своей болтовне, глянул на часы. – Бог ты мой, десять часов уже. Да ведь детям спать пора!

Девочки, пообещав взрослым не проспять церковь, сделали книксен и вышли – под ручку, тесно обнявшись.

– Это все вранье, что папа рассказывает, – заметила Фри-

да, как только двери за ними затворились. Она осуждала его, конечно... и все же – испытывала странное влечение к этой черте его характера. «Ах, сколько же у отца первоклассных грехов для исповеди!» – про себя вздыхала она с уважительной завистью.

В столовой тем временем допили крушон, фрау Гонтрам выкурила еще одну сигару – последнюю. Манассе ушел в соседнюю комнату, а советник взялся сочинять для княгини очередную историю. Та зевала, прикрываясь веером, но все же пыталась вернуть словечко.

– Ах да, милейший господин советник, едва не забыла! Могу ли я завтра захватить с собой вашу жену, проехаться в экипаже?

– Конечно, – отвечал он. – Разумеется, если ей хочется.

– Я не могу, – возразила фрау Гонтрам.

– Но почему же? – удивилась княгиня. – Прогулка на свежем воздухе пошла бы вам на пользу.

Фрау Гонтрам медленно вытянула сигару изо рта.

– Не могу, и все тут. У меня нет приличной шляпы...

Княгиня рассмеялась, словно это была удачная шутка.

– Завтра же утром я пришлю вам модистку с новыми образцами сезона...

– Ладно уж, – сразу согласилась фрау Гонтрам. – Вы только пришлите Беккер – ту, с Квиринусгассе... у нее шляпки получше, чем у остальных, будут. – Она медленно встала, задумчиво посмотрела на свой потухший окурок. – Что ж, я

спать – всем доброй ночи!

– О да, время позднее, мне тоже пора! – заторопилась княгиня.

Советник сопровождал ее вниз, через сад, на улицу. Помог сесть в экипаж, затем не торопясь запер ворота. Когда он вернулся, жена стояла в дверях с горящей свечой в руке.

– Я не могу лечь, – спокойно сказала она.

– Что? Это почему же?

– У нас в спальне завалился этот несносный Манассе.

Супруги поднялись по лестнице на третий этаж, прошли через спальню. На огромной супружеской кровати, раскинувшись, спал без задних ног коротышка-адвокат. Его вещи были аккуратно сложены на стуле, рядом стояли сапоги – а сам он облачился в чистейшую ночную рубашку, позаимствованную из хозяйского шкафа. Близ него калачиком свернулся верный пес Циклоп. Советник Гонтрам, поудобнее перехватив свечу, подошел поближе.

– И этот человек бранит меня за лень! – заметил он, изумленно покачав головой. – А сам ленив настолько, что не смог дойти до дома!

– Тсс! – сделала ему знак фрау Гонтрам. – Тихо, иначе разбудишь обоих!

Они взяли из шкафа простыни и спальное белье и удалились, стараясь не шуметь. Фрау Гонтрам постелила им внизу на двух больших диванах. Там они и заснули.

...Все уснуло в большом доме. Внизу, рядом с кухней,

спала Уилла, крепкая кухарка, при ней – три собаки; в комнате по соседству – четверо сорванцов: Филипп, Паульхен, Эмильхен и Йозефхен. Наверху, в просторной комнате Фриды, сопели девочки-подружки; за стеной – Вольфхен с черной соской-окурком во рту. В гостиной улеглись господин Себастьян Гонтрам и его супруга. На третьем этаже в унисон храпели адвокат Манассе и Циклоп, а совсем наверху, в мансарде, – София, горничная, недавно вернувшаяся с танцев и тихонько пробравшаяся вверх по лестнице. Все спали глубоким сном: двенадцать детей человеческих и четыре чуткие собаки.

Но кое-что не спало. Кое-кто крался не торопясь по просторному дому...

Вблизи, мимо сада, струился Рейн. Вздыхал свою закованную в каменную броню грудь, смотрел на спящие виллы и пробивал себе медленно путь к старой таможене. В кустах шевелились кот и кошка, пыжились, кусались, царапались, бросались друг на друга, широко раскрыв горящие как уголь глаза. И миловались по итогу – самозабвенно, объятые томительной мукой страсти. Издали, из города, неслись пьяные песни буйных студентов.

Что-то ползком кружило у белого дома на Рейне. Пролезло через сад, мимо разбитых скамеек и колченогих стульев. Благожелательно вслушалось в шум кошачьей свадьбы.

Сузило круг, заползло на дом. Царапнуло по стене жестким когтем – да так, что штукатурка осыпалась с хрустом.

Постучав в дверь, оно тихонько вздохнуло. Как ветер – легко.

Потом оно проникло в дом.

Пересчитало все темные лестничные пролеты, тоскливым дозором прошло по комнатам. Остановилось, огляделось кругом, молча улыбаясь.

Тяжелое серебро стояло в буфете красного дерева – со-кровище имперской эпохи. Но окна в рамах покоробило, щели залатаны бумагой. По стенам висели прекрасные полотна Конинка, Вербекховена, Вервэ и Яна Стоббертса – правда, и их испещрили прорехи, старые золотые рамы посерели от паутины. Великолепная люстра из имения архиепископа висела в зале, но потрескавшиеся хрустальные украшения на ней засидели мухи.

Что-то пробиралось сквозь этот безмолвный дом. И там, где оно появлялось, что-то ломалось. В сущности – мелочь, пустяк. Но это происходило все же – снова и снова.

Там, где оно пробиралось, в ночь вонзался еле слышимый звук – скрип половицы, тихий стон гнущегося гвоздя, трескотня старой мебели. В разбухших рамах причудливым перезвоном раздражались стекла.

Все спали в большом доме на Рейне – кроме неторопливого безымянного пластуна.

Глава вторая

Замысел Альрауны

Наступил уже вечер, и в парадных комнатах зажжены были свечи, когда приехал тайный советник тен Бринкен. Во фраке, с большой звездой на груди, с золотой цепочкой, удерживавшей на весу до двадцати меньших орденов, он имел весьма торжественный вид. Гонтрам встал ему навстречу, поздоровался и пошел вокруг стола, представляя всем гостям. Тайный советник следовал за хозяином с застывшей улыбкой, подавая руку, каждому говорил что-нибудь приятное. Возле девушек, виновниц торжества, он остановился и вручил каждой по футляру с золотым колечком – с сапфиром для блондинки Фриды и рубином для брюнетки Ольги, причем изрек соответственное случаю поучительное слово.

– Надеюсь, господин тайный советник окажет нам честь, – обратился к тен Бринкену Гонтрам. – Мы с четырех часов сидим за столом... Семнадцать блюд! Недурно, а? Вот вам меню – может быть, вы сообразовали выбрать себе что-нибудь.

Но тен Бринкен поблагодарил – он уже обедал.

В столовую вошла хозяйка с новостью:

– Мороженого не будет: Уилле, кухарке, вздумалось посадить его в печку!

Гости засмеялись. В доме Гонтрамов всегда можно было ожидать какого-нибудь сюрприза в этом роде. И Манассе потребовал, чтобы блюдо подали на стол. Мороженое из печки – этакое можно видеть не каждый день!

Тайный советник тен Бринкен оглянулся, ища стул. Небольшого роста, гладко выбритый, с внушительными мешками под глазами и отвисшими губами, толстым, мясистым носом – он выглядел довольно безобразно. Левый его глаз почти прикрывало веко, зато правый всегда был насто-роже.

Кто-то произнес позади:

– Здравствуй, дядюшка Яков!

Это был Франк Браун.

Тайный советник обернулся. Встреча с племянником была ему, видимо, не особенно приятна.

– Каким ветром?.. – спросил он. – Впрочем, стоило этого ожидать...

Студент засмеялся.

– Ну конечно! Ведь ты – такой мудрец, дядя. Однако ведь и ты здесь. Да еще притом явился как официальное лицо, как тайный советник и профессор, при всех своих регалиях. Что касается меня, то я здесь – инкогнито!

– Это-то и доказывает, что совесть твоя нечиста. Когда ты...

– Да-да, – перебил Франк. – Знаю. Когда я буду в таком возрасте, как ты, и так далее по списку... Это ты хотел ска-

зять? Но, слава небесам, мне еще нет и двадцати. Я этим очень доволен.

Тайный советник сел.

– Не сомневаюсь в этом, – сказал он. – Ты уже четвертый семестр в университете ничего, кроме глупостей, не делаешь: пьешь, фехтуешь, ездешь верхом, ухаживаешь. Разве за этим мать отправила тебя в университет? Скажи, мой мальчик, ты хоть раз побывал на лекции?

Студент налил два бокала:

– Выпей, дядя Яков, и успокойся. На лекции я был, и не на одной, а на нескольких. На каждой по одному разу, не больше, и повторять не рассчитываю. За твое здоровье!

– *Prosit!* – ответил тайный советник. – Думаешь, что этого совершенно достаточно?

– Достаточно? – засмеялся Франк. – Я думаю, даже слишком много. Все это было лишним. Что может мне дать очередной чопорный лектор? Весьма возможно, что другие студенты могут у вас, профессоров, научиться многому, но такие, у кого мозги специально приспособлены для ваших методов. Мои мозги – в другом роде. Я нахожу, что каждый из вас порознь и все вы вместе необыкновенно скучны, глупы и нелепы.

Профессор вскинул на него глаза.

– Я нахожу, что ты необыкновенно дерзок, милейший друг, – сказал он спокойно.

– В самом деле? – Студент откинулся назад и положил но-

гу на ногу. – Я с этим не согласен. Хотя думаю, что если даже ты и прав, то это все – ничего. Видишь ли, дорогой дядюшка, я разговариваю так с тобой не без умысла. Во-первых, чтобы немного посердить тебя: у тебя такой забавный вид, когда ты сердишься. Во-вторых, чтобы услышать потом от тебя, что я прав. Взять хотя бы тебя, например, как профессора. Несомненно, что ты тертый калач, что ты умен, рассудителен, много знаешь. Но в университете ты так же невыносим, как твои почтенные коллеги. Скажи по совести: тебе доставило бы удовольствие слушать их лекции?

– Мне? Разумеется, нет. Но это же другое! Когда ты... ну, ты знаешь, что я хочу сказать... Но переменим-ка тему. Объясни, прошу, что тебе понадобилось в этом доме? Ты ведь согласишься со мной, что твоя матушка пожелала бы тебе совсем другого пристанища? А что касается меня...

– Не договаривай. Что касается тебя, нетрудно догадаться, какие у тебя здесь важные дела. Во-первых, ты сдал этот дом Гонтраму и, так как он, несомненно, к числу аккуратных плательщиков не принадлежит, считаешь обязанностью время от времени наведываться. А его чахоточная жена интересуется тобой, как и всех медиков города: непостижимый случай сопротивления смерти при почти полном отсутствии легких! Княгине, клиентке Гонтрама, ты хотел бы сбыть свое поместье в Мелеме. И наконец, дорогой дядя, эта пара девочек-подростков... Ну конечно, ничего дурного я этим сказать не хочу...

Франк Браун закурил папиросу и, вольготно развалившись, принялся пускать дым кольцами. Тайный советник устремил на него свой правый глаз – зло и вопросительно.

– Что ты хочешь этим сказать? – негромко спросил он.

Студент усмехнулся.

– Ничего... ничего. – Он встал, взял со стола коробку с сигарами и поднес ее тайному советнику. – Не угодно ли, милый дядюшка? Тут твой любимый сорт «Ромео и Джульетта». Хозяин, наверное, только ради тебя позволил себе такой расход.

– Спасибо, – поблагодарил сквозь зубы профессор. – Но что же, собственно, ты хотел сказать?

Франк придвинул стул:

– Я отвечу тебе на твой вопрос, дядюшка Яков. Твои выговоры, знаешь, начинают мне надоедать. Я и сам хорошо знаю, что мой образ жизни несколько беспорядочен. Но не заботься об этом... тебя это не касается. Желая только, чтоб ты не писал моей матери таких писем, как до сих пор. Ты будешь писать, что я веду себя примерно – добродетельно и нравственно, что я усердно занимаюсь, делаю успехи и так далее. Ты понимаешь меня?

– Но в таком случае мне придется лгать! – заметил тайный советник. Он старался придать голосу шутливость, а вышло ядовито.

– Да, дядюшка, – ответил Франк, глядя на него в упор. – Тебе именно придется лгать. Не ради меня, ты знаешь это, а

ради матери. – Он остановился, долил бокал. – И для того, чтобы подкрепить чем-нибудь свою просьбу, я объясню тебе, что именно я хотел сказать.

– Любопытно, – процедил сквозь зубы тайный советник. Но теперь-то в голосе его чувствовалась некая неуверенность.

– Ты знаешь мою жизнь, – начал студент с горечью, – знаешь, что я и сейчас еще глупый мальчишка. Такого, по крайней мере, твое мнение. И ты, не стесняясь несколько, высказываешь его, ибо ты старый мудрый господин, высокоученый, богатый, известный, обладающий титулами и орденами. И потому еще, что ты – мой дядя и единственный брат моей матери, так что считаешь себя вправе читать мне нотации. Вопрос только в том, какое они могут иметь значение? Потому что воспитывает только жизнь.

Профессор хлопнул себя по коленкам и рассмеялся:

– Да-да, жизнь! Погоди-ка, она тебе свое воспитание покажет. Покажет свои правила и законы, шипы и тернии.

– Все это не для меня, дядюшка. Не для нас с тобой. Точно так, как ты смеялся над правилами и законами, пробивался через шипы и тернии, так это сделаю и я. Послушай, дядя, – продолжал он, – я достаточно знаю твою жизнь. Весь город знает, сороки переносят на хвосте из дома в дом вести о твоих выходках. Но люди говорят об этом шепотом, потому что боятся тебя, боятся твоего ума и денег, твоего влияния и энергии. Я знаю, отчего умерла маленькая Анна Пау-

лерт, отчего твой смазливый садовник столь спешно отбыл в Америку. Знаю я и другие вещи... конечно, я не нахожу их восхитительными, но... я и не ставлю их тебе в упрек. Разве только до известной степени удивляюсь тебе и завидую, что кому-то могут сходить с рук подобные вещи. Одного не понимаю: как ты можешь иметь хоть какой-то успех с такой, как у тебя, безобразной физиономией.

Тайный советник играл цепочкой часов. Он смотрел на племянника спокойно, и по лицу его скользнула самодовольная улыбка.

– Не понимаешь? Да?

– Да, не совсем понимаю. Но зато мне ясно, что тебя привело к жизни такой. Давно уже ты достиг всего, чего можно желать в бюргерском обществе. И тебя толкает выйти за грань. Ручей скучает в своем старом ложе и выступает то здесь, то там из берегов. Так ему велит кровь!

Профессор подвинул Франку свой стакан.

– Налей мне! – сказал он. Голос его чуть заметно дрожал, и что-то в нем звучало торжественное. – Ты прав: всему виной – кровь. Твоя и моя кровь!

Он выпил и протянул племяннику руку.

– Ты будешь писать матери в таком духе, как я прошу тебя?

– Да, буду писать в таком духе!

– Благодарю, дядюшка! А теперь, старый донжуан, иди, любуйся девочками. Они очень недурны в своих белых пла-

тьицах, не правда ли?

– Гм! – заметил дядя. – Кажется, они нравятся и тебе?

Франк засмеялся.

– Мне? О нет, дядюшка Яков, здесь я тебе не соперник, сейчас, по крайней мере... Сейчас меня занимают более высокие задачи. Возможно, когда я буду в твоём возрасте... Но я не сторож их добродетелей. Да притом же эти две праздничные розочки, кажется, жаждут быть сорванными... Чем ты хуже других? Послушайте, Ольга, Фрида! Пойдите-ка сюда!

Но девушки не двинулись с места, заинтересованные доктором прав Моненом, то и дело доливавшим их стаканы и рассказывавшим двусмысленные истории.

Вошла княгиня Волконская. Франк встал, уступая ей место.

– Сидите, сидите, пожалуйста! – сказала она. – Мне еще не удалось с вами обменяться и словечком.

– Сию минуту, ваше сиятельство, я только захвачу папиросу. Впрочем, мой дядюшка давно уже с нетерпением ждет случая побеседовать с вами.

Тайный советник с гораздо большим удовольствием посадил бы рядом с собой маленькую княжну. Но – ничего не попишешь, приходится занимать мамашу.

В ту минуту, когда Франк шагал в другой конец залы, советник юстиции вел фрау Марион к роялю. Он сел на табуретку, повернулся к гостям и сказал:

– Прошу потише! Фрау Марион споеет нам одну вещичку! – Он повернулся к своей даме. – Ну-с, что же именно? Верно, опять «Les Papillons»⁴? Или, может быть, «Il baccio»⁵ Ардити? Давайте сюда!

Франк стал ее рассматривать. Она еще сохраняла красоту, эта старая дама, о чьих прошлых похождениях ходило так много рассказов – относившихся, конечно, к тому времени, когда она была одною из самых прославленных див Европы. Но вот уже скоро четверть века, как она живет в этом городке на своей маленькой вилле, тихо, уединенно. По вечерам она совершает продолжительную прогулку по своему саду и полчаса плачет на обсаженной цветами могилке своей собачки.

Она запела. Голос у нее давно пропал, но дивная передача, в духе старой школы, осталась. На подкрашенных губах играла все та же очаровательная улыбка уверенной в себе знаменитости, а лицо под слоем пудры сияло самодовольством любимицы публики. Толстая, жирная рука играла веером из слоновой кости, а глаза искали аплодисментов.

О да, она была здесь на месте, в этом доме, эта фрау Марион Вер-де-Вер; не меньше, чем остальные гости! Франк Браун оглянулся. Вот его драгоценный дядюшка, занимающий разговором русско-венгерскую княгиню. За ними, у дверей, адвокат Манассе и капеллан Шредер. Последний – длинный, сухой, чернявый святоша – считался лучшим знатоком вин

⁴ Бабочки (*фр.*).

⁵ Поцелуй (*итал.*).

на Мозеле и Сааре, владел лучшим погребом и пользовался такой репутацией в этой области, что без него не обходилась практически ни одна проба вина. Но за ним числились и другие таланты. Он был автором очень неглупой книги о витиеватой философии Плотина, что не мешало ему сочинять шуточные пьесы для кёльнского кукольного театра. Ярый партикулярист⁶ по политическим убеждениям, он ненавидел пруссаков, и если и говорил об «императоре», то подразумевал, конечно же, Наполеона Первого. Ежегодно 5 мая он ездил в Кёльн, чтобы присутствовать на торжественной панихиде по усопшим Великой армии.

В другом конце зала за бокалом вина сидел Станислав Шехт, кандидат философии, с золотыми очками на носу, слишком тучный и ленивый, чтобы лишний раз подняться со стула. Много лет уже он состоял жильцом вдовы профессора Доллинджера и обрел права хозяина. Эта маленькая, худая, безобразная женщина сидела возле него, доливала его бокал и клала на тарелку новые куски торта. Она ничего не ела, но пила не меньше его и с каждым новым стаканом становилась к нему внимательнее и нежнее, любовно оглаживая костлявой рукой его мощные ладони мясника.

Возле нее стоял Карл Монен, доктор юриспруденции и философии. Школьный товарищ и большой друг Шехта, он

⁶ Партикуляризм – стремление к самостоятельности отдельных частей государства или отдельных областей государственного управления; в теологии – учение, утверждающее, что только часть людей предопределена к спасению.

так же долго, как этот, числился в университете – с той разницей, что ему то и дело приходилось держать экзамен. Теперь он изучал философию и готовился к третьему испытанию. Скорый, суетливый, подвижный, он имел вид приказчика большого магазина. Франк невольно подумал, что попади этот доктор в модный магазин – сделал бы через дам карьеру. Он всегда находился в погоне за богатой невестой; таковую искал прямо на улице – прогуливался перед окнами, ловко завязывал знакомства со всякими англичанками-туристками. К сожалению, они всегда оказывались не имеющими состояния.

Был в зале и еще один интересный гость – маленький гусарский лейтенант с черными усиками, беседовавший теперь с девочками. Граф Герольдинген обладал разнообразными талантами: друг искусства, он не пропускал ни одного спектакля и считался своим человеком за кулисами. Он мило рисовал, искусно играл на скрипке и в то же время считался в полку лучшим ездоком. Сейчас он рассказывал что-то Фриде и Ольге о Бетховене. Девочки сильно скучали, но все-таки слушали, довольные уже тем, что с ними беседует такой видный тип.

О да, все они без исключения подходили к этой обстановке. У всех было в крови что-то цыганское, несмотря на их титулы и ордена, значки и мундиры, бриллианты и золотые очки, невзирая на общественное положение. Каждый из них имел какую-нибудь страсть и уклонялся в сторону от приня-

тых правил.

Посреди пения фрау Марион вдруг раздался шум за дверью. Оказалось, мальчишки затеяли на лестнице драку. Мать вышла, чтобы разнять их. В это время в соседней комнате раскричался Вольфхен, и девушкам пришлось унести его наверх: там они уложили к нему в коляску Циклопа и этим успокоили.

Дива пела уже теперь вторую вещь – «Танец теней» из мейерберовской «Диноры».

Княгиня расспрашивала профессора о его последних опытах; можно ли ей будет еще раз приехать посмотреть замечательных лягушек и великолепных обезьян? О да, конечно, он будет очень рад. Ей необходимо ознакомиться и с новым сортом роз в его мелемском поместье – и с большими камелиями, выращенными тем беженцем-садовником. Лягушки и обезьяны, впрочем, интересовали княгиню больше, чем розы и камелии, и по ее просьбе он стал рассказывать о своих опытах пересадки клеточек и искусственного оплодотворения. Как раз в эту минуту у него имеются две интересные лягушки: одна – с двумя головами и другая – с дюжиной глаз на спине. Профессор стал разъяснять, как отделяет зародышевые клеточки и прививает их другому индивидууму. Как эти клеточки быстро развиваются в новом теле – и как из них начинают расти головы и хвосты, глаза и конечности. Но всего замечательнее – опыты над искусственным оплодотворением обезьян. В настоящую минуту у него име-

ются две мартышки на грудном выкорме у обезьяны-самки, самцов своего вида никогда даже не видевшей...

Это заинтересовало княгиню более всего. Она спрашивала подробности, заостряясь на мелочах, и заставляла переводить латинские и греческие термины. И тайный советник раскрывал свои паучьи тайны. Он смаковал свои слова, и слюна неаппетитно текла по его отвислой губе. Среди этого потока рискованных объяснений он вдруг вворачивал «ваше сиятельство», «княгиня», и это смешение бесстыдства с почтительностью доставляло ему, похоже, особенное удовольствие. А она слушала его – вся красная, возбужденная, всеми порами своего тела вдыхающая эту дразнящую атмосферу «научной беседы».

– Занимаетесь ли вы только опытами над обезьянами, господин тайный советник? – спросила она.

– Нет, я делаю также опыты над крысами и морскими свинками. Не пожелали ли бы вы когда-нибудь присутствовать?

– О, с удовольствием, с удовольствием! – И для того, чтобы поддержать достоинство, она прибавила с деланой серьезностью: – Вы знаете, господин тайный советник, ничем я не интересуюсь так, как медицинскими исследованиями. Мне думается, что из меня вышел бы дельный врач.

– Без сомненья, ваше сиятельство.

По оскалу его зубов можно было догадаться, что научное притворство этой толстой дамы немало забавляет его. Но

тайный советник хранил сокровенное желание продать Мелен и не забывал этого. И опять он заговорил о розах и камелиях. Ах, каких хлопот стоит ему это мелемское поместье. У него так много дел и так мало времени. А между тем какое чудное поместье! Чего стоит один только вид с балкона!

– Может быть, ваше сиятельство, пожелали бы...

Княгиня Волконская уже не колебалась:

– Решено, я покупаю у вас эту усадьбу! Молодой человек! – остановила она вдруг проходившего в это время мимо нее Франка. – Ваш дядя обещал мне показать кое-какие опыты – разве это не в высшей степени любезно с его стороны? Присутствовали вы когда-нибудь на них?

– Нет, – ответил Франк, – они меня совершенно не интересуют.

Он повернулся, чтобы идти, но она удержала его.

– Дайте, прошу, папиросу – и налейте вина! – Ее грубые инстинкты, пробужденные разговорами тайного советника, не могли успокоиться. – Скажите, не думаете ли вы, что профессор не ограничится животными и... и... начнет производить опыты и над людьми?

Франк, видевший насквозь ее мысли, улыбнулся.

– Ну конечно, княгиня! Дядюшка как раз только что открыл специальный способ искусственного оплодотворения... такой, что при нем женщина не чувствует ничегошеньки – абсолютно ничего, пока в один прекрасный день не понимает, что беременна, чуть ли не на четвертом-пятом

месяце! Берегитесь господина тайного советника, ваше сиятельство, – кто знает, вдруг и вы уже...

– Избави боже! – воскликнула княгиня.

– Не правда ли, – заметил Франк, – это не очень приятно? Особенно когда ничего не имеешь с этого!

– Ах! – Громкий крик горничной Софии прервал объяснения Франка; крик – и звон разбитой посуды. Все повскакали с мест. Оказалось, что-то сорвалось со стены и сверзилось прямо на голову девушке. Испуганная, она уронила поднос, полный чашек с кофе.

– Жаль севрского сервиза! – преспокойно заметила госпожа Гонтрам. – Но что там, собственно, случилось?

Доктор Монен подбежал тотчас же к плачущей девушке, срезал прядь волос, промыл открытую рану, остановил кровь желтой железистой ватой, не забыв при этом потрепать хорошенькую горничную за щечки и тайком коснуться упругой груди. Дал ей выпить вина и начал что-то нашептывать на ухо... Тем временем гусар поднял с пола странную вещицу, вызвавшую всю эту суматоху. Он рассматривал ее долго и с удивлением.

На стене дома висели всевозможные редкости. Какой-то идол, фигура полумужская-полуженская, разрисованная желтыми и красными полосами; пара старинных ботфорт, для верховой езды, с огромными испанскими шпорами; коллекция покрытых ржавчиной ружей. Далее – отпечатанный на сером шелке докторский диплом, выданный ко-

му-то из предков Гонтрама иезуитской коллегией в Севилье; великолепное распятие из слоновой кости в золотой оправе и, наконец, тяжелые буддистские четки из красных, отшлифованных в виде роз камней.

Вещица, упавшая на голову служанки, висела на самом верху. На обоях виднелась ясно полоска от гвоздя, вырвавшегося из ослабевшей штукатурки. Коричневая запыленная вещица из твердого как камень дерева изображала какого-то старенького сморщенного человечка.

– Ах, вот как! Это наш Альраунхен, подземный человек, – сказала фрау Гонтрам. – Хорошо, что это случилось с Софией: кость у нее – парижская, твердая, такая выдержит. Подвернись в эту минуту Вольфхен, этот отвратительный уродец раздробил бы ему череп.

– Эта вещичка находится в нашей семье уже около двухсот лет, – объяснил советник. – Человечек однажды уже выкинул подобную штуку, упав ночью на голову деду. Впрочем, дед был в ту ночь навеселе, что случилось с ним нередко, как с любителем хорошего вина.

– Что изображает эта вещица? И для чего она служит? – заинтересовался лейтенант.

– Да для того, чтобы привлекать богатство в дом, – ответил Гонтрам. – Уж так гласит старинное поверье. Манассе объяснит вам это подробнее... Пожалуйте-ка сюда, господин всезнающий коллега. Выкладывайте историю подземного человечка.

Манассе отнекивался.

– Да ведь эта байка всем известна!

– Никому решительно не известна, по крайней мере из присутствующих, – возразил лейтенант. – Вы слишком высокого мнения о современном образовании.

– Не упрямитесь, Манассе, – сказала госпожа Гонтрам. – Мне тоже хотелось бы знать, что это, собственно, за штука.

Всезнающий доктор взял в руки человечка и приступил к объяснению. Говорил он сухо, деловито, не возвышая и не понижая голоса, как лектор, не придающий своей теме особенного значения.

– Альрауна, альбрауна, мандрагора, мандрагола – *mandragora officinarum*. Растение, принадлежащее к пасленовым. Произрастает по берегам Средиземного моря, затем – на юго-восток Европы и в Азии до Гималайского хребта. Листья и цветы содержат сильное вещество, прежде употреблявшееся как снотворное. Именитая врачебная школа в Салерно пользовалась им при операциях. Известно также, что листья этого растения употребляли как табак, а настой из плодов – как любовный напиток. Но главную роль в поверье играет корень. Уже у Пифагора упоминается о странном сходстве этого корня со старичком или старушкой. Уже в то время верили в магию свойств этого корня, верили, что посредством его можно сделаться невидимкой или что он может служить талисманом против чьего-либо колдовства. В Германии старинное поверье окрепло в начале Средневеко-

вья в прямой связи с Крестовыми походами. По нему, преступник, повешенный нагишом на распутье, теряет, в момент, когда петля затягивает ему шею, последнее жизнетворное семя – и это начало, упав на землю, проникает вглубь и оплодотворяет ее: отсюда и возникает существо мужского или женского пола – Альраунхен. Ночью являлись, чтобы выкопать его. Ровно в полночь надо было стать с лопатой в руках как раз под виселицей и, вместе с боем часов, приступить к работе. При этом советовалось из предосторожности заткнуть себе уши ватой или воском, потому что, когда вырывали человечка из земли, он поднимал такой крик, от какого всякий в ужасе падал на землю, – этот момент, кстати, Шекспир у себя обыграл. Итак, выкопав человечка, его забирали домой, помещали в надежное место, с каждого обеда приносили ему чего-нибудь поесть и раз в неделю купали в вине. Зато он приносил счастье в судебных процессах и на войне, отводил колдовство и привлекал в дом много денег. Кроме того, он же способствовал плодовитости женщин и помогал при родах. Но вместе с тем – создавал там, где водворялся, страдания и муки. На домочадцев насылал всевозможные несчастья, а хозяина превращал в скупца, затмевал в нем чувство стыда и доводил до преступления. В конце концов, соблазнившийся им погибал и попадал в ад. Несмотря на это, альрауны были в большом ходу, служили предметом торговли и достигали высоких цен. Говорят, что Валленштейн всю жизнь не расставался с таким оберегом. То же

рассказывают и о Генрихе VIII, короле Англии, несколько раз вступавшем в брак.

Ученый юрист замолк и швырнул человечка на стол.

– Очень, очень интересно! – воскликнул граф Герольдингген. – Я очень признателен вам за этот маленький доклад, господин доктор.

Фрау Марион заявила, что она ни одной минуты не стала бы держать подобной вещи у себя в доме. Она испуганными глазами взглянула на тощее, скелетообразное лицо фрау Гонтрам.

Объяснение юриста произвело большое впечатление и на Франка Брауна. Глаза его блеснули. Он порывисто направился к тому месту, где сидел, теперь уже один, профессор, и притронулся к его плечу.

– Дядя Яков, – прошептал он как бы в забытьи, – дядя Яков!

– В чем дело, племянник? В чем дело? – И, не дожидаясь ответа, старик последовал за молодым человеком к окну.

– Дядя Яков, – сказал Франк, – вот же оно, то, чего тебе недостает! Это лучше, чем забавляться лягушками, обезьянами и подростками. Да, дядюшка, решишь и проложи путь – такой, где до тебя никто еще не ходил!

Голос молодого человека дрожал. Вид у него был странный.

– Я тебя не понимаю, – устало сказал профессор.

– О, ты должен это понять! Разве ты не слышал, что он

говорил? Создай существо вроде этого человечка, существо во плоти и крови! Ты в состоянии это сделать! Ты, никто другой в мире!

Профессор вопросительно взглянул на своего племянника. Голос последнего звучал так убежденно, в нем слышалась такая вера, что старик невольно заинтересовался.

– Я серьезно говорю, что не понимаю. Выскажись же яснее!

Франк энергично покачал головой:

– Не здесь, дядя. Я провожу тебя домой, если ты ничего не имеешь против.

Горничная Мина, заменившая Софию, разносила в эту минуту кофе. Франк взял с подноса чашку, одним глотком выпил ее и то же самое сделал с другой. София, другая девушка, сбежала от своего утешителя Монена, и доктор суетился кругом, деловитый, как коровий хвост в облаке слепней. Он явно все еще ощущал потребность что-то промыть и что-нибудь щупать. Обратив внимание на деревянного человечка, виновника суматохи, он сдул с него пыль и стал тщательно вытирать салфеткой. Но это ни к чему не привело. Пыль, оседавшая веками, так плотно пристала к деревянному человечку, что ее невозможно было удалить: салфетки одна за другой покрывались густым слоем грязи, а божок все так и не становился чище. Видя это, Монен изловчился, размахнулся и бросил человечка прямо в крющон.

– Пей, пей, уродец! – воскликнул он. – На тебя не обра-

щали внимания в этом доме, наверное, у тебя жажда. – Тут он вскочил на стул и произнес по адресу виновниц торжества большую речь, каковую закончил так: – Пожелаю, чтобы они на всю жизнь остались такими невинными созданиями, как сейчас! Желаю им этого от всего сердца!

Само собой разумеется, это была ложь – он вовсе этого не желал. И никто этого не желал, а меньше всего – сами виновницы торжества. Но они аплодировали вместе со всеми, а затем подошли к оратору, сделали книксен и поблагодарили.

Капеллан Шредер, стоя возле советника юстиции, ругался, что близится срок, когда будет введено новое гражданское уложение. Еще десять лет – и конец Кодексу Наполеона. На берегах Рейна будет господствовать то же право, что и в Пруссии, – экая нелепость, даже трудно такое себе представить!

– Да, – вздохнул советник юстиции, – а сколько работы! Сколькому придется вновь научиться. Как будто без этого мало хлопот. – В сущности, все это было ему совершенно безразлично – он столь же мало знал гражданское право, сколь и рейнское. Слава господу, пора обучения для него давно прошла!

Княгиня простилась и взяла с собою в экипаж фрау Марион. Ольга осталась опять у подруги. Другие тоже разошлись, один за другим.

– Не пора ли и нам, дядя Яков? – спросил профессора племянник.

– Погоди минутку, – ответил тайный советник, – нет еще моего экипажа. Он сейчас, наверное, придет...

Франк Браун уставился в окно. По лестнице проворной белкой, несмотря на свои сорок лет, промчалась маленькая фрау Доллинджер. Споткнулась обо что-то, упала, снова вскочила на ноги, побежала к огромному дубу и обвила ствол руками и ногами; и бездумно, пьяная от вина и страсти, стала целовать дерево горячими воспаленными губами. Станислав Шехт подбежал к ней и оторвал от ствола, точно жука, крепко впившегося в него ножками. Он сделал это не грубо, но с приложением силы – все еще трезвый, несмотря на огромное количество употребленного вина. Фрау кричала, отбиваясь руками и ногами, ей не хотелось отрываться от гладкого дерева. Но Шехт поднял ее и понес. Она узнала его, сорвала шляпу с головы и начала целовать прямо в лысину – громко крича и сопя.

Профессор поднялся и подошел к советнику юстиции.

– У меня к вам просьба, – сказал он. – Не подарите ли мне этого своего божка?

Фрау Гонтрам поспешила ответить вместо мужа:

– Конечно, господин советник, с удовольствием. Эта вещь куда более подходит для холостяков, чем для семейного дома.

Она вытащила человечка из крюшона, но при этом так неосторожно, что фигурка ударилась о край кувшина. И опять по дому разнесся звон посуды... Дорогой хрустальный

сосуд разбился вдребезги, осколки брызнули в разные стороны, а содержимое разлилось по столу и потекло сахарным потоком на пол.

– Пресвятая Богородица! – закричала фрау Гонтрам, разводя руками. – Как хорошо, что этот противный человечек уйдет наконец из нашего дома!

Глава третья

Вдохновитель Альрауны

До Лендениха, где находился дом тайного советника, было полчаса езды; всю дорогу тен Бринкен и его племянник молчали. Франк сидел, откинувшись назад и полузакрыв глаза, весь погруженный в свои мысли. Тайный советник внимательно наблюдал за ним. Наконец экипаж покатился, подпрыгивая, по ухабистой мостовой. Так встретила их деревня Лендених. В центре ее располагалась большая усадьба Бринкенов с садом и парком, занимавшими почти четырёхугольное пространство. Главный дом находился внутри, на улицу же выходило несколько второстепенных старых построек. Карета повернула за угол мимо ниши со статуей св. Непомука, покровителя деревни. Ниша была вделана в каменную ограду господской усадьбы. Перед статуей, украшенной цветами, теплилась неугасимая лампада.

Въехав в ворота, открытые привратником, карета остановилась у подъезда.

– Принеси нам вина, Алоиз, – велел тайный советник службе, вышедшему навстречу, – мы будем в библиотеке. – И обратился к племяннику: – Ты останешься у меня ночевать, Франк, или приказать кучеру дожидаться?

– Ни то ни другое, – ответил Франк, – я пойду в город пешком.

Они пересекли двор. Дом был одноэтажный, невысокий; собственно говоря, состоял он из одного огромного зала, куда вела небольшая передняя. По бокам располагались два небольших покоя. У стен стояли стеклянные витрины с разными предметами римской эры: все это добыли из разграбленных гробниц. Пол устлала тяжелые ковры. Обстановку дополняли два письменных стола, два-три дивана и несколько кресел.

Двое вошли. Профессор положил деревянного человечка, все время находившегося у него в руках, на один из диванов. Служитель зажег свечи и принес из погреба запыленную бутылку.

– Можешь идти, – сказал ему профессор, – но не ложись еще – племянник не будет здесь ночевать, тебе придется его выпустить. – Когда служитель вышел, профессор чуть придвинул кресло к племяннику и уселся возле него. – Итак?

Франк отпил несколько глотков вина. Взяв в руки человечка, стал его рассматривать.

– Все черты ясно выступают теперь. Вот глаза, вот нос, вот рот. Взгляни-ка, дядя, не кажется ли тебе, что он скалит зубы? Руки у него коротковаты, а ноги срослись до колен. Курьезная вещица. – Франк поднял человечка, повернул его в одну, потом в другую сторону. – Осмотрись, человечек, – сказал он, – здесь твоя новая вотчина. У господина Якова тен Бринкена ты еще более на месте, чем в доме Гонтрамов. Ты стар, – продолжал он. – Тебе четыреста-шестьсот лет, может

быть, и больше. Отца твоего повесили, потому что он был убийцей или конокрадом, а может, он высмеял в стихах какого-нибудь барона или епископа. Все равно, по понятиям своего времени он считался преступником – и его повесили. И вот последней жизнетворной каплей, последним плевком жизни но оплодотворил землю и создал тебя, странное существо. Земля, мощная, огромная, создала тебя, жалкого, безобразного человечка... В полночь, дрожа от страха и шепча заклинания, они выкопали тебя на распутье. И в первую же минуту, когда ты при свете месяца явился в мир, ты увидел своего отца, висящего на виселице. Отца твоего они повесили, а тебя заботливо унесли к себе в дом. Отныне ты должен был обогащать их: приносить деньги и любовь. Они знали, что ты вместе с тем принесешь им и страдания, доведешь до отчаяния и в конце концов до смерти. Они хорошо это знали и все ж приходили на распутье, с заклинаниями выкапывали тебя и уносили домой, рискуя всем ради золота и любви...

Тайный советник покачал головой.

– Надо отдать тебе должное, – сказал он, – у тебя славное воображение: ты фантазер.

– Да, – согласился Франк, – такой же, как и ты.

– Я? – Профессор улыбнулся. – Но, кажется, моя жизнь протекла довольно реально.

– О нет, я с этим не согласен, – возразил Франк. – Все дело в том, что ты считаешь свои фантазии реальностью. Взять хотя бы твои опыты. Для тебя это не больше чем забава –

может быть, когда-нибудь к чему-нибудь приведет. Ни одному человеку в здравом уме не пришло бы в голову то, что тебе, чертов ты фанатик. И только человек с дикой фантазией, только человек, в чьих жилах течет кровь Бринкенов... только такой может дерзнуть на то, на что дерзнешь ты.

– Ты бредишь, любезный друг, – прервал старик недовольным тоном, хотя и видно было, что он польщен. – Как ты можешь с такой уверенностью решать за меня, на что я дерзну или не дерзну... Тем более что я еще и понятия не имею, о чем идет речь.

Слова эти не смутили Франка. Когда он заговорил, в голосе его звучала уверенность.

– Ты дерзнешь, я в этом убежден. Дерзнешь уже потому, что осуществить это кроме тебя никто не в состоянии. Конечно, есть несколько ученых, возделывающих ту же колею, что и ты. Кое-кто из них ушел даже дальше тебя. Но они все – нормальные люди, сухие, деревянные рабы науки. Они высмеют меня, когда я выскажу им свои мысли, назовут меня дураком. Или, может быть, вышвырнут меня за дверь за то, что я осмелился обратиться к ним с такими безнравственными предложениями. Шутка ли – пойти наперекор природе, дать ей щелчок по носу. Но ты, дядя Яков, не высмеешь меня и не погонишь взашей. Тебя это подзадорит так же, как и меня. И потому ты – единственный человек, способный на это пойти.

– Но на что же... на что, черт побери? – воскликнул тай-

ный советник.

Франк встал, взял бутылку и наполнил оба бокала до краев.

– Чокнемся, старый волшебник, – сказал он, – чокнемся. И пусть и из твоих замшелых мехов польется молодое вино. Чокнемся, дядя Яков, и да здравствует... твой ребенок.

Он выпил залпом свой бокал и подбросил его к потолку. Тот разлетелся в куски, но осколки почти бесшумно посыпались на ковер. Франк придвинул кресло ближе к старику, сел и приступил к изложению своей мысли:

– Итак, слушай, дядя. Тебе уж, наверное, надоели мои предисловия, но не сердись, они помогут мне лучше разъяснить мою мысль. Вот что я хочу сказать. Ты должен обратить старинное поверье в действительность, должен дать жизнь искусственному человеческому существу. Не все ли равно, чему обязан своим происхождением миф? Не все ли равно, что он – плод глупости, невежества или мистицизма? Ты сделаешь старую ложь правдой. И ни один профессор, как бы ограничен он ни был, не посмеет отрицать ее. Вот как, по моему, это должно осуществиться. Преступника найти легко. Испустил ли он дух на распутье или в другом месте, безразлично. Мы – люди, шагнувшие далеко вперед. Наша гильотина на тюремном дворе – последнее слово современной юстиции, она гораздо удобнее. Удобнее не только для закона, но и для тебя – благодаря твоим связям не так трудно найти дорогой материал и вырвать у смерти новую жизнь. А земля?

Пойми, что подразумевается не она, а свойство ее – плодovitость: земля дает всходы от семени, доверенного ее опеке. Она питает семя, дает ему силу, превращает его в плод. Не так ли создана и женщина? Но что есть земля как не производительница, готовая к услугам миллиардов. Вот уже тысячелетия, как все, в чем есть жизнь, оплодотворяет ее. Вот почему ты должен избрать матерью такую женщину, что рада всякому зовущему. Не в силу нужды, не в силу несчастья, а исключительно в силу темперамента. Ты богат, ты найдешь такую, как надо, – бессовестную блудницу. У тебя есть опыт в таких делах... Что из этого произойдет, тебе известно. Ты добьешься того же, что тебе удалось уже с обезьянами и морскими свинками. Надо только пожелать!

Франк Браун порывисто встал и в упор посмотрел на старика; глаза его блестели. Старик твердо выдержал взгляд.

– А затем, любезный друг, – полунасмешливо спросил он, – когда опыт удастся, что же тогда, когда на руках твоих будет живая мандрагора?

– Тогда, – ответил Франк, медленно отчеканивая слова, – тогда по этому волшебному существу мы проверим, сколько правды в старой сказке. И заглянем в самые глубочайшие тайники природы.

Профессор хотел что-то сказать, но Франк перебил его.

– Тогда, – продолжал он, – может быть, нам удастся выяснить, существуют ли такие таинственные начала, что сильнее всех известных нам законов природы. Выяснится, стоит

ли эта жизнь того, чтобы интересовались ею даже и мы.

– Даже и мы?

– Да, стоит ли она, чтобы интересовались ею я, ты и те двести-триста человек, что выше жизни... и все-таки ведут такое же жалкое существование, как и все... Послушай, дядя Яков, – вдруг спросил он, – веришь ли ты в Бога?

– Верю ли я в Бога? Какое это имеет отношение к...

– Отвечай, отвечай, – настаивал Франк, – верующий ли ты?

– Что тебе до того?.. Конечно, разумом... основываясь на данных науки... я... не верю в Бога. Но чувством... Впрочем, чувство – нечто, не поддающееся контролю, нечто...

– Итак, дядя, чувством?..

Профессор жался и ежился, стараясь уклониться от прямого ответа.

– Ну да, – сказал он наконец, – если быть откровенным... иногда... крайне редко... в особенных случаях...

– Тогда ты все-таки веришь в Бога? Я так и думал. Все Бринкены были таковы. И вот почему ты это сделаешь. Ты должен это сделать, и нет тебе никакого выхода. Потому что тебе дано то, что дается одному из миллионов: дана возможность испытать Бога. Если Он существует, то Он должен дать ответ на этот дерзкий вопрос.

Франк Браун замолчал и стал ходить большими шагами по залу. Затем остановился, надел шляпу и подошел к старику.

– Мне пора, – сказал он, – я пойду... Итак, ты это сдела-

ешь?

Старик не сразу ответил.

– Я... я не знаю, – выдавил он.

Франк взял со стола деревянного человечка и сунул его в руки Якову.

– Вот, – голос его звучал насмешливо, – посоветуйся с ним. – И затем студент тихо прибавил, обнажив в улыбке блестящий ряд зубов: – О, я-то знаю, ты это точно сделаешь.

Он направился к выходу, но у дверей остановился.

– Еще одно слово, любезный дядюшка: если ты решишься, то...

– Я все-таки не знаю...

– Ладно, об этом я не спрашиваю. Но если все-таки решишься, то не приглашай присутствовать на церемонии зачатия княгиню.

– Почему? – чуть удивленно спросил профессор.

– Потому что, – голос Франка звучал торжественно и серьезно, – это слишком святое.

Затем он вышел.

Он покинул дом, зашагал через двор. Скрипнула, приоткрываясь, калитка, а потом сухая рука слуги затворила ее обратно. На улице Франк остановился у образа св. Непомука, внимательно изучил его взглядом.

– О, дорогой святой, – обратился он, – тебя ублажают цветами и хранят огонь в твоих лампадах, подливая туда масло. Но превозносит тебя не тот дом, что дал тебе приют, – здесь

тебя ценят в лучшем случае как предмет антиквариата. Хорошо, что народ все еще уповает на твою силу! – И Франк вполголоса пропел:

Возле речки мелкой да тоненькой
Повстречал меня Иоанн святой,
Приобнял да за плечи, утешил.
Да спровадил домой, осенив крестом,
Воды холодные мимо пустил,
От затопленья дом сохранил
И исчез, как свет свечки умершей,
Только запах оставив речной
По себе...

– Бедный старый истукан, – продолжал он, – легко тебе защищать это селение от вод холодных – ведь отсюда до Рейна три четверти часа! К тому же Рейн здесь усмирен и течет сквозь каменные пальцы берегов... Но все же постарайся, благочестивый Непомук, спасти этот дом от потопа, грозящего обрушиться на него! Ты люб мне, о каменный истукан, ибо ты – заступник моей матери. Зовут ее Иоганна Непомукина... да к тому же Хубертина, так что ее никогда не покусает бешеный пес. Ты ведь помнишь, как она появилась на свет в этом доме – в день, посвященный тебе? Потому она и названа в честь тебя, Иоанн Непомук! А поскольку я люблю ее, мой святой, то хочу предупредить тебя – в память о матушке... Здесь, в доме, этой ночью поселился другой святой...

нет, совсем наоборот – нечестивец. Этот маленький человек не каменный, как ты, не разодетый в пышные одежды – он всего лишь из дерева и очень жалок в наготе своей. Но он так же стар, как и ты, а может, и того старше, – и ему приписывают особое могущество. Так попробуй, святой Непомук, доказать ему свою силу! Один из вас должен пасть – ты или этот человечек, – и тогда решится, кому быть хозяином в доме Бринкенов. Покажи, мой святой, на что ты способен.

Франк Браун снял шляпу и сотворил крестное знамение. Робко улыбнулся – и пошел быстрым шагом по дороге. Вышел в поле, полной грудью вобрал свежий ночной воздух. Дойдя до города, замедлил шаг – там, в аллеях, под каштанами в цвету, – и побрел, о чем-то мечтая и тихо напевая под нос.

Вдруг он замер, явно колеблясь мгновение, – и, развернувшись, пошел назад. Юркнул налево, к широкой Баумшюлер-Вег. Остановился, проверил, нет ли хвоста; в один прыжок перемахнул через низкую стену, спрыгнул наземь по ту ее сторону. Пробежал по тихому саду к большой красной вилле.

У ее стен он встал столбом, глядя напряженно вверх. Короткий пронзительный свист разнесся в ночи: одна, вторая, третья трель. Где-то залаяла гневно собака; а здесь, наверху, над его головой, тихонько отворилось окно, и показалась светловолосая женщина в белой ночной рубашке. Ее голос прошелестел сквозь темноту:

– Ты ли это?

– Да, я, – откликнулся он.

Она отступила назад в комнату, но тотчас же вернулась. Взяла носовой платок, что-то завязала в него и бросила вниз.

– Вот тебе ключ! Но ступай тихо, как можно тише, чтобы родители не проснулись!

Франк Браун взял ключ и поднялся по маленькой мраморной лестнице, открыл дверь – и вошел. Но пока он наугад, во мраке, пробирался наверх, губы его шептали:

Приобнял да за плечи, утешил.

Да спровадил домой, осенив крестом,

Любовь горячую отвадил от глаз,

От возгорания сердце спас

И исчез, как свет свечки умершей,

Только запах оставив речной

По себе...

Глава четвертая

Мать Альрауны

Франк Браун томился на гауптвахте в крепости Эренбрайтштайн. Он провел там уже два месяца. Впереди ждало еще три – все лето. И все это – за дуэль, окончившуюся, к общему благополучию, тем, что оба противника выстрелили в воздух.

Ему было невыносимо скучно сидеть здесь, на крепостной оgrade.

С высоты открывался отличный вид на Рейн, так что Франк болтал в воздухе ногами, смотрел вдаль и зевал. Чем-то таким же занималось и трио товарищей, сидевших вместе с ним. Никто не говорил ни слова. Все присутствующие были обряжены в желтые жакеты, купленные у солдат; охранники намалевали им на спинах огромные черные цифры, означавшие номера камер. Подле Франка, заполучившего номер «семь», собрались сейчас Второй, Четырнадцатый и Шестой.

Явилась откуда ни возьмись группа иностранцев, англичан и англичанок, а вместе с ними – сержант гауптвахты. Он показал им несчастных арестантов с огромными цифрами – таких нахохленных и угрюмых. В гастролерах зашевелилось чувство жалости, с ахами и охами они стали расспрашивать сержанта, нельзя ли передать что-нибудь несчастным.

– Строго запрещено, – сообщил тот, в своем великоду-

шии отворачиваясь и переводя внимание гостей на окрестности. – Смотрите-ка, вон там – Кобленц, а вот тут у нас Нойвид. А там, внизу, протекает могучая река Рейн...

Между тем подошли дамы. Несчастные арестанты заложили руки за спину, держа их как раз под номерами. В протянутые ладони тут же посыпались золотые монеты, папиросы и мешочки с жевательным табаком. Нередко попадались и визитные карточки с адресами. Игру в «попрошаек на жердочке», то есть, в данном случае, на стеночке, выдумал не кто иной, как Франк Браун, – и ко всеобщему удовольствию ввел ее здесь.

– В сущности, это довольно-таки унизительно, – заметил Четырнадцатый, ротмистр барон Флехтхайм.

– Вот ты дурень, барон, – ответил Браун. – Унизительно лишь то, что мы, все такие из себя аристократы, отдаем все унтер-офицерам и ничего не оставляем себе. Если бы хоть по крайней мере эти проклятые английские папиросы не так пахли духами... – Он изучил добычу. – Ага! Опять совершен. Сержант будет рад. Бог мой, мне бы и самому он пригодился!

– Сколько ты вчера продул? – спросил Второй.

– Все полученное утром. – Франк Браун хохотнул. – Да еще и векселей на несколько сотен... Будь проклят этот безумный азарт!

Шестой был молодым курсантом по фамилии фон Плиссен – славный малый, суцкая кровь с молоком.

– Я тоже пустил все по ветру, – признался он и вздохнул.

– А ты думал, будет иначе? – Четырнадцатый презрительно скривился. – Представь-ка, эти три висельника сейчас велятся на наши денежки! И где – в Париже! Как думаешь, долго они там пробудут?

Доктор Клеверьян, судовой врач и Второй, ответил:

– Я так думаю, дня три. Дольше нельзя – заметят. Да и деньги кончатся.

«Три висельника» – это, конечно, Четвертый, Пятый и Двенадцатый. Они прошлой ночью сорвали изрядный куш и утром «вышли в мир», спеша на ранний экспресс в Париж. «Выход в мир» – так это называли в крепости.

– Чем бы заняться сегодня? – спросил Четырнадцатый.

– Хоть раз бы напряг свои захиревшие мозги, барон, – недовольно бросил Франк. Он спрыгнул со стены и поплелся через казарменный двор в офицерский сад. Он был в дурном настроении и громко что-то насвистывал. Не из-за проигрыша – он проигрывал уже не в первый раз, такие вещи его не задевали. Но это жалкое существование здесь, невыносимое безделье – вот что сказывалось сильнее всего на его душе. Нельзя, правда, сказать, что заключенных держали строго: крепостной порядок был довольно свободен и нисколько не ущемлял господ арестантов. В их распоряжении имелась зала для собраний с роялем и фисгармонией, для них выписывали добрых две дюжины разных газет. Каждому выделяли по камердинеру, а камеры им предоставляли весьма просторные – чуть ли не настоящие покои; за пребывание в них

они платили в государственную казну по пфеннигу в день. Обеды им приносили из лучшей городской ресторации, при желании – могли доставить что-нибудь и из винного погреба при крепости. Было только одно неудобство: запрет запереть свою камеру изнутри. Это правило соблюдалось до невозможности строго – с тех пор как в крепости случилось самоубийство, каждая попытка приделать изнутри камеры задвижку или крючок пресекалась комендантом немедленно. По разумению Франка Брауна, то была несусветная глупость – будто не может отчаявшийся человек наложить на себя руки без всяких засовов! Отсутствие приватности мучило Брауна ежедневно, сыпало соль на рану – никакой ведь возможности побыть наедине с собой! Он запирался на веревку или цепочку, придвигал к дверям кровать или иной предмет мебели – без толку; после многочасовых препираний все заслоны падали, и общество, торжествуя, вползало к нему в жизнь.

Общество, будь оно неладно! Выдернуть из него любого отдельно взятого человека, присмотреться – славный малый, с таким и слово молвить не грех; но стоит отдельно взятым сбиться в кучу, так все, пиши пропало. Местный уклад – вот что портило всех этих утомлявших Брауна людей особенно сильно; все же не стоило смешивать студенческий и офицерский кодексы да настаивать на атмосфере творящейся в крепости сумасбродной кутерьмы. Смесь вышла уж больно крепкая. Арестанты пели, пили и играли в карты – день за

днем, ночь за ночью. Иногда кому-то удавалось протащить в крепость девку или сходить прогуляться «за ограду» без спроса – вот и весь простор для удали и геройств. Ничто иное здесь не ценилось и даже не обсуждалось.

Тем, кто уже изрядно времени просидел в крепости, приходилось совсем худо – быт протягивания лямки за провинность засасывала их, точно топь, все сильнее в себя. Доктор Бермюллер, застреливший на дуэли шурина, к примеру, оттрубил два года; граф-драгун, некто лейтенант Валлендир, – и того дольше. Поступившие в крепость недавно чуть ли не в срок недели уподоблялись самым бывалым – а наибольший вес здесь имели люди грубого склада и буйного нрава.

Франк Браун тоже имел какой-никакой вес. На второй же день он запер рояльную крышку на ключ, устав от несносных «Вешних пташек» в исполнении ротмистра, и сперва присвоил себе единственную отмычку, а затем и вовсе выбросил ее в грязь под крепостным валом. Еще он привез сюда ящик с пистолетами и целыми днями упражнялся в стрельбе. Что же касается выпивки и ругательств, в этом он вполне мог соперничать с кем угодно в крепости.

А ведь он, собственно, сперва радовался этим летним месяцам заточения! Привез с собой много книг, новые перья и бумагу. Он думал, что сумеет здесь работать, радовался заранее вынужденному одиночеству. Но за все время Франк не раскрыл ни одной книги, не написал даже письма. Он сразу втянулся в дикий ребяческий хаос – состояние, противное

ему самому, но все ж неотступное, прилипчивое; он ненавидел своих товарищей – любого из них...

Франк скучал и стал уже придумывать, что предпринять, когда однажды, нежданно-негаданно, камердинер принес ему письмо от профессора.

Франк долго колебался, распечатывать ли конверт. Какое ему дело до этой старой обезьяны? Давно уже они не виделись. Да-да... в последний раз это было ровно два года тому назад, в тот памятный вечер, когда он убеждал старика дерзнуть на замечательный опыт и бросить вызов природе. Создать существо-альрауну... два года уж минуло; Франк успел уже было за это время забыть о своем фантастическом предложении. Вскоре после того вечера он перешел в другой университет, где и сдал благополучно экзамены. Теперь вот – торчал в лотарингском захолустье и занимался у присяжного адвоката. Занимался?.. В сущности, продолжал ту самую жизнь, какую вел студентом, – был своим человеком среди гулящих женщин и вообще в той среде, где не любят думать над жизнью и не церемонятся с приличиями. И очень уж он не любил, когда над ним начальствуют! Да, ему приходилось прогибаться, работать – от случая к случаю; но работу его начальство всегда называло ерундой. Как только появлялась возможность, он уезжал, отправлялся в Париж, и Монмартр был ему куда милее какой-то там конторки. Но, в сущности, он не знал, чем все это кончится. Несомненно одно: никогда не выйдет из него юриста, адвоката, судьи, даже чиновника.

Но что же предпринять? Он жил изо дня в день, накапливал все новые и новые долги. Франк все еще держал в руках письмо: хотел открыть, но в то же время что-то подсказывало ему отослать его в таком виде обратно. Это стало бы пусть запоздалым, но лучшим ответом на письмо, полученное им от милейшего дядюшки два года тому назад. То послание так оскорбило Франка, что он – шутка ли! – не мог забыть его до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.